

Петербургский институт иудаики

ОЗЕРНАЯ ТЕКСТОЛОГИЯ

Труды IV летней школы
на Карельском перешейке
по текстологии и источниковедению
русской литературы

Поселок Поляны (Уусикирко)
Ленинградской области

2007

**«Слово похвальное инокa Фомы
великому князю Борису Александровичу»
и «Слово о Законе и Благодати»
митрополита Илариона: проблема источников**

Известно, что при создании произведения древнерусские авторы использовали «готовое» слово, ориентировались на авторитетные тексты. Не случайно важнейшими задачами изучения памятников книжности Древней Руси является установление их источников, обнаружение и объяснение трансформации исходного произведения, определение роли заимствований в ткани «нового» текста. В этом плане совершенно неизученным остается «Слово похвальное», написанное тверским книжником в сер. XV в. и посвященное прославлению тверского князя. «Слово похвальное» — необычный для средневековой русской литературы панегирик, представляющий собой первую пространную похвалу не умершему, а здравствующему правителю одного из русских княжеств.

Начиная с XIII в., Тверь являлась соперницей Москвы за гегемонию в объединительном движении областных центров северо-востока Руси, а в середине XV в. при Борисе Александровиче, из-за ослабления позиций московского князя Василия, на время стала самым влиятельным княжеством. Борьба между Москвой и Тверью велась не только оружием, но и пером: в обоих княжествах проводилась интенсивная летописная работа, призванная оправдать действия своего князя, обосновать его права на великое княжение. Таковы причины появления интересующего нас произведения.

Уже первые исследователи отмечали начитанность тверского автора и указывали на связь «Слова похвального» со «Словом о Законе и Благодати» киевского митрополита Илариона, «Повестью временных лет», «Речью» Моисея Выдубицкого, сочинениями Иоанна Златоуста. Однако, видя свою главную задачу в атрибуции памятника и определении его исторической ценности, ученые лишь оговаривали зависимость «Слова похвального» от того или иного произведения, не рассматривая этот вопрос детально.

«Слово похвальное» инокa Фомы первые исследователи оценивали как произведение слабое, несамостоятельное в творческом плане. Отме-

чали «ремесленническое» владение стилем, компилятивное переписывание других литературных образцов. Однако подробный анализ заимствованных фрагментов в произведении тверского автора показал, что тверской книжник совсем не механически переносил «чужой текст» в свой. В данной статье мы рассмотрим все заимствования из «Слова о Законе и Благодати» киевского митрополита Илариона, проследим принципы отбора материала и его функционирование в новом произведении.

По замыслу Фомы созданная им похвала должна была исходить не от него, придворного панегириста, а от митрополитов, собравшихся на Флорентийский собор. Участие тверского посольства в работе Флорентийского собора стало событием, по представлению автора, демонстрирующим престиж Бориса Александровича, а признание его высшими духовными чинами на соборе, как выведено Фомой, должно было свидетельствовать об известности князя и о его почитании не только в Русской земле, но и во всей «вселенной». Уже во вступлении автор дважды отмечает: наравне со всеми он радуется, что князь его почтен и знаменит «во всѣх странахъ и языцехъ» и не нуждается в похвале книжника, поскольку прославлен «от всѣхъ земель».

Для того чтобы похвала князю воспринималась читателями как объективная и беспристрастная, Фома создает у читателя впечатление достоверности происходившего, обращается к реально происходившим в 1437–1439 гг. событиям: «И в которая бо бяше времена бывшу стязанию о православной вѣре христианомъ с римляне, царю же цариградскому Иоанну *възвѣстившу в послании*: “И здравствуй, възлюбленный брате о Христе”. И приимъ же царскыя послания великий князь *Борис Александрович*, и сихъ прочеть предъ всим народомъ, и многы радости душею и тѣлом исполнися, из глубины сердца въздыхая, и велми благодаря Бога, и глаголя: “Боже великий, сподоби мя приобѣщнику бытии святому сему и Вселеньскому собору и еще же и по отеческой вирѣ поборнику быти” [7, 74]¹.

Книжником соблюдена форма письменного обращения, известная в Древней Руси по апостольским посланиям, но текст письма в памятнике отсутствует. В данном случае не имеет значения, существовало ли это письмо на самом деле — для создания иллюзии достоверности переписки между греческим императором Иоанном VIII и тверским князем достаточно стандартной формулы письменного этикета. Непосредственно перед похвальными речами царя, патриарха и митрополитов о князе Борисе автор, для вящей убедительности, помещает выдержку из посольского отчета русской делегации, среди которого, в частности, находился и вел записи по приказу своего князя тверской боярин Фома:

Фома же... поиде от Твери на Новгородцкую землю, и оттоле на Псковскую землю, а оттоле на Немецкую землю, и оттоле на Курвскую землю, а оттоле на Жмотьскую землю, и оттоле на Прусскую землю, а оттоле на Словенскую, и оттоле на Любутскую землю, а оттоле на Морьскую землю, и оттоле на Жуньскую землю, а оттоле на Свѣйскую землю, и оттоле на Флоренъзу. И ту наехалъ есми папу римьскаго Евгения, и святого царя цариградскаго Иоанна, и вселеньскаго патриарха Иосифа, и весь святыи вселеньский съборъ. А с патриархом было митрополитовъ 22 [7, 76].

А кони митрополичи гнали берегом от Риги къ Любку на Курскую землю, а поперек Жемотские земли 3 дни, и оттолѣ на Прусскую, и оттолѣ на Баморьскую землю, и оттолѣ на Жунскую землю, и оттолѣ на Висмертьскую, и оттолѣ к Любку... [6, 470]. И ту есмя наѣхали папу римьскаго Еугения... Ту же и святого греческаго Иоанна, и святого патриарха Иосифа вселеньскаго, и святыи вселеньский соборъ. А въ зборѣ бысть с патриархом митрополитов 22... [6, 472].

Далее следуют похвальные речи греческого императора, патриарха и митрополитов, которые в действительности являются цитатами из «Слова о законе и благодати» Илариона. В этой части «слова» тверской автор как бы «самоустраняется», предоставляя возможность читателям стать очевидцами происшедшего.

А. А. Шахматов первым установил зависимость произведения тверского книжника от «Слова о Законе и Благодати». Однако найденные им совпадения составляют только половину всего объема заимствований из произведения киевского митрополита: к пяти известным примерам можно добавить еще шесть, обнаруженных нами в ходе исследования.

«Слово похвальное
инока Фомы»

Царь же рече...: И да хвалимъ убо и прославляемъ хвалимаго от агтель беспрестани Бога и поклонимся ему, и ему же кланяются херувими и серафими беспрестани [7, 272].

И вселеньский же патриархъ Иосифъ рече: Ветхая мимо идоша, и новая вамъ възвѣщаю: вира благодатная от наша земли Греческыя да и до Рускыя земли прострѣся, евангельский же источникъ наводънившеся, и лѣпо и намъ с великымъ княземъ Борисомъ славити святую Троицу [7, 274].

Кицицкий же митрополитъ Митрофанъ рече: Что ты нареку, христороубче, великий князь Борисе! Но воистину еси другъ правдѣ, а смыслу мѣсто, и милостыни гнѣздо [7, 274].

Никийский же митрополитъ Висарионъ рече: И аще бы сей здѣ былъ ..то быхъ въспросиль его, какъ вниде в него страх Божий и како разгорися в немъ любовь Христова, и како възлюби Христа выше земных мудрецъ [7, 274].

«Слово о законе и благодати»
киевского митрополита Илариона

Да хвалимъ его убо и прославляемъ хвалимааго от ангель беспрѣстани, и поклонимся ему, ему же поклоняюся херувими и серафими [1, 26].

Вѣра бо благодатная по всеи земли прострѣся и до нашего языка ...доиде. И законное езеро прѣсьше, евангельскыи же источникъ наводнився и всю землю покрывъ... и мы съ всѣми христианами славимъ Святую Троицу... [1, 38].

И вси, ветхая отложше... новая держать, по пророчеству Исаину: Ветхая мимоидоша, и новая вамъ възвѣщаю ... По всеи же земли роса, по всеи бо земли вѣра прострѣся ... По всеи земли уже славится Свята Троица и поклоняние приемлетъ [1, 32].

Что ти приречемъ, христороубче, друже правдѣ, съмыслу мѣсто, милостыни гнѣздо? [1, 46].

Како разгорѣся в любовь Христову? Како въселися въ ты разумъ выше разума земленыхъ мудрецъ ... Како вниде въ ты страх Божий? [1, 46].

«Слово похвальное
инока Фомы»

Никомидѣйский же митрополить Макарей рече: //// ... Повиждь нам, Фома .. откуду се припахну благоухание на великого князя Бориса, и откуду сий испи памяти жизнь сладкую чашу ... [7, 274].

Лакомидѣйский митрополить Мефедей рече: Но кто исповѣсть ... многыя ношныя милостыня и дневныя щедроты и ко всѣм требующимъ милость и яко же о немъ слышахомъ [7, 274].

Драмаский же митрополить Дорофий рече: Но много дерзновения имѣеть к Богу ... И помогает ми слово написанное: «И милость на суди хвалиться, Блажени милостиви, яко ти помилувании будутъ» [7, 276].

Ганский же митрополить Геннадий рече: .. И аще ли кто напоить чашу воды въ имя ученика, и той мзду приметъ. И князь же великий Борис не единого напиталь, ни дву, ни 10, ни градъ, но многы грады и области припиталь во своей отчинѣ [7, 276].

«Слово о законе и благодати»
киевского митрополита Илариона

Како разгорѣся в любовь Христову? Како въселися въ тя разумъ выше разума земныхъ мудрецъ Како въниде въ тя страхъ Божии? [1, 46].

Повѣждь намъ, рабомъ твоимъ, повѣждь, учителю нашъ! Откуду ти припахну воня Святааго Духа? Откуду испи памяти будущая жизни сладкую чашу? [1, 46].

Къ сему же кто исповѣсть многыя твоа ношныя милостыня и дневныя щедроты, яже къ убогимъ творяше, къ сирымъ, къ болящимъ, къ дѣлжнымъ, къ вдовамъ и ко всѣмъ требующимъ милости? [1, 48].

Ея же ради доброприлюбныя Богомъ милостыня, много дерзновение имѣеши къ нему .. Помогает ми словеси рекыи: Милость хвалится на судѣ ... Вѣрнѣ же самого Господа глаголь: Блажени милостиви, яко ти помилувании будутъ [1, 48].

«Слово похвальное
инока Фомы»

Милитинский же митрополить рече: Милостыни и щедроты великого князя Бориса по всимъ землямъ поминаемы суть [7, 276].

Иверский же митрополить Иона рече: И азъ мню великаго князя Бориса, подобень есть великому царю Константину. Онъ бо съ святыми отци на 1 съборѣ былъ. А великий князь Борисъ с нынѣшними отци въ Ферарѣ, присла своего боярина, а самому бо ему не бывшее за то долготы и ради путныя [7, 276, 278].

Сардийский же мирополить Дионисий рече: ... Възрадуемъ и възвеселимся в онъ! [7, 278].

Порядок следование речей должно было воссоздать перед читателем церемонию приветствия тверского князя на Ферраро-Флорентийском соборе. Такая организация текста прямо отвечала замыслу Фомы, а официально-церемониальный и документальный стили используемых им фрагментов, с упоминанием действительных названий и имен, только способствовали желаемому эффекту. Из приведенного ниже фрагмента посольского отчета русской делегации видно, что при написании своего произведения Фома придерживался этого или подобного документа:

«Слово о законе и благодати»
киевского митрополита Илариона

Да аще единого челоуѣка обративъшуму толико възмездие от благааго Бога, то таково убо спасение обрѣте, о Василие? Како брѣмя грѣховное рассыпа, не единого обративъ челоуѣка от заблуждения идольскыа лъсти, ни десяти, ни града, нъ всю область сию [1, 48].

Твоя бо щедроты и милостыня и нынѣ въ челоуѣцѣхъ поминаемы суть [1, 48].

Подобниче великааго Коньстантина... Онъ съ святыми отци Nikeискааго Събора законъ челоуѣкомъ полагааше, ты же съ новыми нашими отци епископы сънимаяся чясто... [1, 48].

...Возрадуися и възвеселися! [1, 50]; Да възвеселятся и възрадуются языци! [1, 42].

митрополить Антоней
речи 2, 3 и 4 отсутствуют — лист вырван

Трапезонский митрополить Дорофий,
Кизицкий митрополить Митрофанъ,
Никийский митрополить Висарионъ,
Никомид Ираклийский Ёский митропо-
лить *Макарей*,
Лакомидѣйский митрополит Мефедей,
Терновский митрополить Игнатей,
Амасийский митрополить Иасафъ,
Молодовский митрополить Димианъ,
Ставропольский митрополить Исаиа,
Родоский митрополить Нафанаиль,
Милитинский (имя не указано),
Драмаский митрополить Дорофий,
Мелетинский митрополить Матфѣй,
Тритриасийский митрополить Калистъ,
Ганский митрополить Генадей,
Афилонский митрополить *Софроний*,
Иверский митрополить Иона,
Сардийский митрополить Дионисий

А въ зборѣ бысть
с патриархом
митрополитов 22:
первый — раклийский Антоней,
2 — ефесский Марко,
3 — русский Исидоръ,
4 — манавасийский Досифей,
5 — трапизонскы Дорофей,
6 — кизитъский Митрофанъ,
7 — никейский Висарионъ,
8 — никомидѣский Марко,
9 — лакедомонийский Мефодий,
10 — тръновский Игнатей,
11 — амасийский Иасафъ,
12 — мальдовъский Демианъ,
13 — ставропольский Исаиа,
14 — родовский Иафанаиль,
15 — митулинъский Дорофей,
16 — драмасинъский Дорофѣй,
17 — мелетинский Матфѣй,
18 — тристриасийский Калистъ,
19 — каланъский Генадей,
20 — ахелонъский Генадей,

21 — иверъский Иоанъ,
22 — сардакийскы Дионисий...

[6, 474]

Стремление к документализму и фактографичности, как известно, характерно для древнерусских книжников, но приличествует более повествованию, нежели панегирикам. Композиция «Слова похвального», на первый взгляд, чужеродна и неожиданна для привыкших к традиционному ораторскому «слову» читателей Древней Руси. Но, по мысли Ю. М. Лотмана, «включение фрагмента нехудожественного текста в художественный несет высокую риторическую нагрузку именно постольку, поскольку опознается аудиторией как чуждое и не-закономерное включение в текст»².

Так, встречающиеся в центральной части отрывки из документов — не просто инкорпорированные фрагменты, а нагруженный художест-

венной функцией текстовый компонент, «поскольку “чужая” организация, даже будучи механически перенесенной в новый структурный контекст, перестает быть равной сама себе и делается *знаком или имитацией самой себя*. Так, подлинный документ, включенный в художественный текст, делается художественным знаком документальности и имитацией подлинного документа»³.

Между тем автор обращался к «чужому тексту», преследуя и другие цели. В «Слове похвальном» явно просматривается стремление выделить Бориса Александровича из числа всех остальных князей как «царя», имеющего все основания для самодержавного правления. Поэтому панегирик Фомы получает политическую остроту, неизбежную при возвеличивании определенного исторического лица. Можно сказать, что Фома возвращает панегирику XV в. публицистическую окраску, свойственную произведениям более раннего времени.

Отсутствие традиции прославления деятельности здравствующих князей способствовало поиску новых приемов или адаптации уже сложившихся. Иными словами, возникла потребность в такой форме, которая соответствовала бы новым целям — решению насущных политических задач. По нашему предположению, Фома создает новую разновидность панегирика — публицистическую похвалу здравствующему князю, имеющую целью обоснование каких-либо прав или политических притязаний.

Новые цели, безусловно, требовали и новых выразительных средств, которых в XV в. еще не существовало. Приведем один, на наш взгляд, весьма красноречивый пример. В «Слове похвальном» читается зафиксированная в «Слове о Законе и Благодати» митрополита Илариона формула прославления известных распространителей христианства: «Хвалить же похвальными гласы Римьскаа страна Петра и Паула, имаже вѣроваша въ Иисуса Христа..., Асия и Ефесь, и Патмъ Иоанн Богословьца, Индия Фому, Египеть Марка. Вся страны и гради, и людие чтуть и славять коегождо ихъ учителя...» [1, 42]. После Илариона эта формула использовалась многократно: при прославлении Леонтия Ростовского, Нифонта Новгородского, а в интересующий нас период — XV в. — в «Житии Стефана Пермского» и «Слове о житии и преставлении Дмитрия Ивановича, царя Русьскаго»⁴. В «Слове о житии Дмитрия Ивановича» и «Слове похвальном инока Фомы» эта формула подверглась значимой трансформации.

Так, в «Слове о житии» автор поставил имя московского князя Дмитрия, не являвшегося на тот момент даже местночтимым святым, в ряд просветителей и распространителей христианства. Воз-

можно, его роль при защите православия от «поганых» воспринималась писателем как подвиг, позволяющий приравнять его к выдающимся деятелям христианства. В этом произведении, как и в остальных памятниках Куликовского цикла, усилен христианский элемент «за веру православную». Таким образом, формула «Хвалит же земля» использована книжником для того, чтобы представить Дмитрия Ивановича князем-подвижником. В «Слове похвальном» же тверской книжник меняет угол зрения: «И понеже бо Царский градъ Константиномъ хвалиться, а Киевъ же Владимиромъ, а Тферьская же земля, тѣх ублажающее, Михаилом хвалящееся, но того ради богъ не инъ корень встави, но Михайловъ, великого князя Бориса Александровича» [7,286]. Автор опускает всякое упоминание об апостолах, оставляя только царственных особ: Константина и Владимира, добавляя имя почитаемого Михаила Тверского, и как его законного наследника — Бориса Александровича. Таким образом, Фома делает акцент на избранности и величии князя, представляя Бориса Александровича светским правителем. Весьма показателен и набор качеств тверского князя: «Но князь же великий Борисъ Александровичъ, стяжая Константинову доблестъ, а Владимирову вѣру, и Ярославово мужество, а Михайловъ разумъ, и о человеческой богобоязненство, но и надо всеми же си миръ и святыню гоняще» [7, 286]. Из приведенных строк видно, что автор не стремится выдвинуть на первый план христианские добродетели князя: первым качеством в паре следует всегда вполне светское «доблестъ» или «мужество», а только затем «вера» и «богобоязненность». Таким образом, не идя вразрез с традицией описания благочестия князя, автор счел нужным отметить важнейшие качества политика-правителя.

Представленные примеры позволяют установить существенную особенность переработки источника иноком Фомой: практически не изменяя текст (что и дало повод упрекнуть его в дословном переписывании), перенимая риторический прием, автор сохраняет стилистику текста-источника. При этом Фома меняет функцию фрагмента: риторика Илариона претворяется в тексте Фомы в церемониально-приветственные речи митрополитов, собравшихся на Флорентийский собор, и фрагменты эти инкорпорированы в текст как элемент достоверности. А ставшая уже к XV в. традиционной модель «Како похвалю», использовавшаяся для прославления христианских подвижников, в произведении тверского книжника становится приемом прославления избранного князя-правителя.

Анализ показывает, что заимствование иноком Фомой велось отнюдь не механически: автор не просто хорошо знал тексты предшественников, литературную традицию, но и четко понимал свою цель, о чем свидетельствует необычная организация текста, умелое введение в композицию своего сочинения заимствованных фрагментов, трансформированных применительно к новым задачам.

Установление источников, литературных образцов памятника, сопоставление с ними нового текста, выявление трансформации, «следующего» шага автора, позволяет точнее определить авторские задачи, подчас неявные интенции и, следовательно, лучше понять текст и закономерности труда книжников средневековья.

Примечания

- ¹ «Слово похвальное инока Фомы» и «Слово о Законе и Благодати» цитируются по: Библиотека литературы Древней Руси: [В 20 т.] (изд. продолжается). Здесь и далее при цитировании произведений в квадратных скобках указываются номер тома и страницы.
- 2 Лотман Ю. М. Текст как смыслопорождающее устройство / Культура и взрыв. СПб., 2000. Ч. 1. С. 190.
- 3 Там же. С. 191.
- 4 Далее: «Слово о житии Дмитрия Ивановича».